Есир / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Есир / рассказ ЕСИР

Недалеко от черты прибоя, на полудиком острове Кулалы, вытянутом в виде полумесяца, среди покрытых травой песчаных наносов, где бродил табун одичавших коней, стояла рыбацкая хижина. Сложенные паруса и весла указывали, что это был стан морских ловцов. Здесь жил ловец Истома и его отец, высокий, загорелый великан с первой сединой в бороде. Зимой они громили тюленей и, увидев зверя, когда он, похожий на человека, выстал в море и смотрел любопытными глазами, бросали в него копье с подвижным кокотом.
Теперь они собирались в весеннюю путину и то подымались, то спускались из избушки на сваях около старой ивы; с веток ее падали морские сети, а около корней стояла смола. Заплаты, свежеположенные на парус, заново черная от смолы бударка, сверкающее солнце, сверкающее на волнах и на смоляных боках лодки, громадная белуга, лежавшая па лодке, свесив на землю свою махалку, орланы-белохвосты, сидевшие на отмели, другой — черной точкой сидел на верхушке песчаного обрыва, и тучи уток со свистом падали откуда-то сверху на то подымавшееся, то опускавшееся море,- вот что было вокруг.
Рано утром лодка весело побежала в город, охваченный тогда славой Разина. Полотняное небо паруса шумело над ловцами, и мир делался тесен и близок.
Трава, в которой свободно скроется верблюд, с обеих сторон склонялась над водой. Здесь они увидели лодку; охотник правил одним веслом; лицо его было настолько искусано мошками, что казалось изуродованным оспой. Он почти не- видел; мертвый кабан лежал на лодке.
Сонные черепахи удивленно подымали свои головы или прыгали в воду, а я воде проворно скользили красно-золотистые ужи.
Иногда их было так много, что казалось, бесчисленные травы волнуются течением. Под шум согнутого паруса быстро скользила

ловецкая лодка. Она пристала па Кутуме и там, где стояли старые ивы, покрытые рыжим ивовым волосом, отчего они походили на поставленных на голову людей, а прозрачные ветви были одеты гнездами цапель, бросила в песок тяжелую кошку.
Ловцы вышли на берег.
Мимо Кремля, через Белый город и Житный город, проходя то Вознесенскими, то Кабацкими воротами, ловцы, сгибаясь от осетра, положенного на плечи, пошли мимо рядов с ловецкой сбруей, к знакомому старообрядцу-помору.
В одном месте их остановило стадо, красного степного скота. Конные пастухи гнали их по узким улицам, и их кривые рога теснились как речные волны. В самую, гущу их врезалась тяжелая телега с зеленовато-белыми телами осетров. Там степняк ехал на стонавшем верблюде, здесь на белых украинских волах — чумаки.
У берега стояли суда с парусами из серебряной парчи и около них живописные женщины Востока. Вольные сыны Дона, в драгоценных венках, усыпанных крупным жемчугом, и серебряных зипунах, там и здесь мелькали на улицах. Имя Разина — (В первопечатном источнике дефект — отсутствует конец фразы.).
Черноглазые казачки в вышитых сорочках стояли около … глиняных плетней и широко улыбались всему миру; в черных покрывалах проходили татарки. Закутанные в белое, на верблюдах проезжали степные женщины.
Старик-помор встретил их на пороге своей землянки, обнесенной забором из соломы и грязи. Так, спасаясь от зноя и пожаров, жили русские того времени.
Когда они спустились по ступенькам вниз, от темноты они ничего не могли некоторое время увидеть, но потом заметили земляные лавки, покрытые восточными коврами, и несколько тяжелых кубков на столе.
Дородная, немного тучная женщина вышла навстречу гостям. Ее лицо было покрыто сетью мелких морщин и было старчески миловидно. В красном углу сидел гость — индус. Что-то прозрачное в черных глазах и длинные черные волосы, загибаясь, падавшие на плечи, давали ему вид чужестранца. Он рассказал новости, привезенные недавно из Индии, некогда столь короткой, что она самому небу жертвовала только цветы. Как опора и

надежда браминов, Саваджи восстал против коварного Аурангзиппа, быстро основав государство махратов. И как, с другой стороны, среди яростной борьбы поклонников Вишну и поклонников Магомета разливается кроткое учение гуру (учителей) Нанака и Кабира; как проповедующие общее братство и равенство для всех людей сикхи (ученики) выбрали своим прор&ком сначала Говинда, а потом Тег Бохадура. И как преследует сикхов вероломный Аурангзипп, не брезгуя ни ядом, ни наемным убийцей, и как в Китае недавно кончилось восстание Чанг-Гиент-шонга, и как дух свободы пылает над всем миром.

Рассказывал и про Галай-гала-яму индусов. Гневно рассказывал про Китай, как там бедняк за полтинник, врученный его семье, соглашается идти на казнь вместо другого и кладет на доску свою морщинистую шею и покрытую седой косой голову, как там нельзя найти земли величиной с ладонь, которая бы не была покрыта колосьями; как человек возделывает такие неприступные высоты, что, казалось, у него должны были бы быть крылья, чтобы залететь туда, а собирая морскую капусту, человек приступает к возделыванию пространств моря.

И многое другое рассказал индус; глубокой ночью разошлись спать.

Истома заснул, думая о пленнике, брошенном в яму, по лицу которого ползает жаба; о правителях, которым приносят корзины вырванных глаз; о правителях, зашивающих рты слишком говорливым и разрезывающих рот слишком молчаливым; о казни глотанием песка до смерти. Утром Истома двинулся на рынок.

Он пересек шествие; большое знамя, на котором был изображен положенный на костер кабан, развевалось впереди отряда. Всадники в черных бурках, на сухопарых злых конях ехали за ним. Мелькали их черные шапки с малиновым верхом.

Это был Зажарский стрелецкий полк. В толпе же чаще и чаще слышалось имя Разина.

Взволнованные люди входили и выходили через все семь ворот Белого города: Мочаговские, Решеточные, Вознесенские, Проломные, Кабацкие, Агаряпские, Староисад-окие.

Здесь он снова встретил индуса Кришнамурти. Криш-намурти с раннего утра ушел за город, где зеленые сады застыли над

тихими речками, и остановился в немом изумлении.
— Аум,- тихо прошептал он, наклоняясь над колосом синих цветков.
— Что? Дивуешься божьему миру? Дивуйся, дивуйся! — произнес за его плечами голос древнего старика.
В лаптях, в синих портах и белой рубашке, он стоял, опираясь на палку, ветхий и столетний. Лебедь времени, Кала-Гамза, трепетал над ним, над его седыми кудрями. Он был стар. Оба поняли друг друга. Потом Кришнамурти взял с собой мальчика и пошел с ним кормить диких бесприютных собак.
Он пошел на рынок у Кабацких ворот.
Здесь на открытых столах гуляла повольница. Слышались отрывочные слова, восклицания:
— Друг, иди сюда! Тяжко мясу без мяса! Тяжко другу без друга, как соловью без луга,
— На, пей! Веселись душа!
Смуглые воины пировали под открытым небом.
— Слушай: видела жаба, как коня куют, протянула и свою ногу: «Куй, кузнец!» Так и ты, друг,- воскликнул смуглый, почти черный человек, ударяя смуглой рукой по столу. Вокруг нее, точно веревки, вились тугие жилы, изобличая в нем силача-воина.
— Э! Рыбу водой не поят. Дыня или тыква? Хохот покрыл слова говорившего.
В это время резкий стон прорезал многоголосый говор толпы.
Это проходил среди толпы высокий малый в белой рубашке и зипуне ярко-красного цвета. В руках у него был дикий лебедь, связанный в крыльях тугими веревками.
— Лебедь, живой лебедь! — Казалось, его никто не слышал.
Индус не принадлежал к расколу Шветамбара, требовавшему от учеников ходить нагими, быть «одетыми в солнце», но его вера требовала делать добрые дела всем живым существам, без изъятья,- ведь в лебедя могла переселиться душа его отца. Он решил освободить прекрасного пленника.
Там, на крутом берегу Волги, развязал брамин дикую птицу, и скоро та в последний раз блеснула в синеве белой серебряной точкой.

А брамин по-прежнему стоял над темной водой.
О чем он думал?
Как ежегодно привозят верблюды священную воду Ганга?
И как, будто среди молитвенных голосов, совершается обряд свадьбы двух рек, когда из длинногорлого тяжелого кувшина рукой жреца вода Ганга проливается в темные воды Волги — Северной невесты!
Истома его догнал.
— Это что — лебедя освободить! Нет, ты дай свободу всему народу,- сказал он.
Индус молчал. Он думал, как далекий гуру (учитель) из Индии руководит его разумом здесь. И вдруг, повернувшись, сказал: «Ты увидишь мою родину»,- и после повернулся и ушел, залитый лучами солнца, в темно-зеленом халате.
А Истома размышлял, думая о его речах и думая о ползавшем на руке муравье: «Кто этот муравей? Воин? Полководец? Великий учитель своего народа? Мудрец?»
А около тихо плескалась Волга-невеста.
На другой день ловцы, справив рыбацкую сбрую и распрощавшись с милым старообрядцем, двинулись в обратный путь.
Дорогой они встречали расположенные в виде узких полозьев челны, на которых высился громадный воз хвороста; видели бударку, в которую, как первобытный парус, была воткнута густая зеленая береза. И ветер вез лодку с ее зеленым парусом. Бабы-птицы поодаль тянули свою тоню, и в их огромных клювах-мешках бились еще живые рыбы. Видели охотника, надевшего тыкву на голову и хватавшего за ноги живых уток.
Когда стемнело, вышли на берег вечерять и разложили костры.
Долго за полночь шла беседа про страшную «чуму сетей», когда вдруг на огромном расстоянии в одни сутки гибнут все сети, захворавшие болезнью сетей, особой водорослью; про страшные сны, когда не человек жарит осетров, а осетр раскладывает костер и жарит пойманного человека. Небо Лебедии сияло своими зеленоватыми звездами; Волга, журча, вливалась в море тысячью мелких ручьев. Черни были охвачены тишиной и сном. Просыпаясь утром, Истома с удивлением заметил странные кусты около лодки. Вдруг кусты зашевелились, и голые, покрытые маслом люди,

сбрасывая с себя ветки, бросились к ним.
— Есир — невольник и раб,- пронесся в воздухе несколько раз воинственный крик..
В то же время лодка была занята другими; они, быстро работая веслами, отплыли от берега. Истома был оглушен сильным ударом кулака. Он помнил над собой лицо, лишенное, как ему показалось, носа, плоское как доска.
Когда Истома очнулся, он был связан по руками и ногам и окружен вооруженными степными всадниками, составившими совет.
Среди горок камней, золы и человеческих костей был расположен степной аул. Древние зеленые изразцы лежали среди песка и пепла сожженных на костре человеческих костей. Редкие травы трепетали широкими кистями, да одинокий жаворонок резвой рысью’ бежал по песчаным волнам пустыни.
Вот он остановился и сел на синем обломке кувшина. Здесь была Золотая Орда, и лишь обломки башни темно-синего полива да старинный камень с татарскими письменами напоминали об этом.
Да змея бесшумно скользила около надписи: «Нет бога, кроме бога», а черноволосая девушка этих мост ходила с медной деньгой, вплетенной в косу. И надпись древнего хана: «Я был — мое имя высоко» — тонула в черном шелку ее кос.
Вот она зажгла костер и села на землю, раздумывая про Сюмер-улу, срединную гору мира, где сходятся души мертвых предков пить молоко кобылиц.
Старый калмык пил бозо — черную водку калмыков.
Вот он совершил возлияние богу степей и пролил жертвенную водку в священную чашу.
— Пусть меня милует Чингиз богдо-хан,- важно проговорил он, опустив голову.
Великий Чингиз казался ему беспечным богом войны, надевшим как-то раз на плечи одеяние человеческой судьбы. Любимец степной песни, он и до сих пор живет в степи, и слова славы ему сливаются со степным ветром.
Первую чашку он плеснул в огонь, вторую — в небо, третью — на порог. И бог пламени Окын-Тенгри принял жертву. Тысяча рук окружала его. Окруженный заревом, он выскочил из пламени, и с невыносимым для смертного уха звуком залязгали, застучали и

запрыгали одна о другую его красные челюсти, а белые мертвые глаза страшно уставились на смертного. Зарево тысячи рук окружило его. Словно черным парусом белое-море, свирепые зрачки косо пересекали глаза. Страшные белые глаза подымались к бровям головой мертвого, повешенной за косу. Удар ветра, и он исчез, и вновь из костра выступил черный котел, сменив багрового духа.

Коку, его дочь, подошла к нему. Ее косы, завернутые в шелковые чехлы, падали ей на грудь.

Вот она повернула голову, и вся миловидность Китая сказалась на темном лице; сквозь черный загар выступала степная алая кровь, живые глаза сверкали, как два черных месяца, умом и радостью. Малиновая, шитая золотом, шапочка была у ней на голове.

Она помнила, что девушка должна быть чистой, как рыбья чешуя, и тихой, как степной дым, и бесшумно села на землю в своих черных шароварах.

И снова лицо ее, как пламенеющий уголь, склонилось над землей.

А калмык грезил.

Он мысленно садится на коня, на аршин быстрее мысли, и скачет в великой охоте Чингиза; в ней участвовали все покоренные Чингизом народы, и почти вся Средняя Азия была охвачена кольцом великой облавы. Здесь несется ветроногий табун диких коней, там падает вилорогий первобытный бык, а здесь тетива лука вышиной с человеческий рост посылает стрелу в курчавого красного теленка. Полунагие наездницы с дикими криками проносятся по степи, и там и здесь звенят тетивы.

Старый калмык выпил еще чашку бозо, когда всадник с орлом на руке подъехал к нему. Он сообщил про приближающегося киргиза с невольником, и они вдвоем выехали к нему навстречу. Кони бодро переехали небольшую речку.

Утренние голые люди, обмазанные для борьбы жиром тюленя, были теперь одеты и громко обсуждали что-то. На Истому надели мешок для муки, сделав дыры для рук и головы, и, посадив его на седло и связав ноги, все поскакали в кочевье.

Там к нему подошел старик и коротко сказал: «Моя есир». Истома знал все страшное значение этого слова. Вихорь и огонь удара

плети перевели слово.
Вечером они двинулись в путь.
Киргиз нараспев пел «Кудатку-Билик». Истома бежал за Ахметом. В белой войлочной шляпе, в разноцветном халате Ахмет покачивался на седле и помахивал плетью, забыв, казалось, про пленника.
Степной неук бежал легкой рысью. Истома со связанными руками бежал сзади.
От частых, похожих па песню беса, ударов хвоста глаза почти ослепли и ничего не видели. Полотно рубашки лопнуло и разорвалось, спустившись на связанные руки и шею. Слепни и оводы, густо усевшись на теле, зеленой сеткой своих жадных зеленых глаз покрывали плечи. Другие тучей вились около. Тело распухло от укусов, жары и зноя. Ноги были в запекшейся крови. От штанов осталась рваная полоса.
Когда они доехали до Орды, стай черномазых детей окружила его, но киргиз поднял плеть. Что-то вроде жалости показалось на медном лице. Покачал головой и ослабил веревки; дал молока и первый раз сказал: «Ашай». Добрая старуха протянула ему черпак воды, и он выпил как дар неба. Здесь Ахмет за 13 рублей продал своего невольника. Новый купец был много добрее. С этого времени жить стало лучше. Его повели купаться. Дали кумачовую рубашку. «Якши рус»,- сказал Ахмет, любуясь им. Три дня он отдыхал в духане.
Старик-горец беседовал с ним и делил с ним свой кусок сыра, лечил его ноги.
Когда он сидел на земле в своей широкой бурке, а стриженый череп подымался над буркой, как горный ястреб, Истоме делалось легче. Ему казалось, что рядом такой же невольник, как и он.
Скоро их догнал большой караван рабов, где были грузины, шведы, татары, русские, один англичанин. Тогда из русских невольников набиралась личная охрана отборных полков, как китайского богдыхана, так и турецкого султана, и великого могола в Индии. Скоро караваи снова двинулся, и верблюды забряцали бубенчиками.
Дорога шла голой песчаной степью, где только жаворонки и ящерицы бегали среди кустов, да изредка подымался огненноокий,

издали похожий на волка, степной филин и с трудом уносил схваченного могучей лапой зайчонка. Истома шагал за своим верблюдом по белым солончакам и бесконечному песку. В одном караване с ним была только Ядвига. У ней были длинные золотистые волосы, а в голубых глазах вечно смеялась и дразнила русалка — ресниц голубая русалка.

Для нее между горбами верблюда, похожими на песчаные холмы, покрытые кустами ковыля, был сделан особый шатер. С ног до головы она была одета в белое покрывало.

— Як на море! Совсем як на море! — восклицала она иногда и высовывала из шатра ручку.

Иногда она расспрашивала про пашу: «Вин какой? Чи он седой? Чи он грозный?»

И задумывалась.

И когда венок обвил ее голову, она вдруг сделалась хорошенькой русалкой, зачем-то сидевшей на верблюде.

Синеглазая, златоволосая, закутанная в складки полупрозрачного полотна.

Думает ли она о празднике Ярилы или о празднике весенней Ляли? Но вот большая бабочка, увлекаемая ветром, ударилась, ей о щеку, и ей кажется, что это она стучится в окошко родимого дома, бьется о морщинистое лицо матери.

— Вот такой же бабочкой прилечу и я,- шепчет она. Между тем показались горы, и у их подножья остановились на ночь.

Отсюда они двинулись на буйволах. Эти — могучие быки, с вытянутыми вдоль затылка широкими рогами, с черно-синими глазами, где вечно светится пламя вражды к людям.

Если на гладкой, лишенной волоска, коже там и здесь торчали редкие волоски, то лишь для того, чтобы плотнее пристала к телу рубашка степной черной грязи; с нею буйволы не расставались, спасаясь от своих мучителей — тучи оводов. Первая глиняная рубашка — ее буйволы стали носить раньше человека. Более всего они любили воду и, раз увидев ее, бросались в нее так, что были видны лишь ноздри и глаза. Так они были способны проводить целые сутки.

На черном хребте одного из них в белой рубашке перси-анки и в шароварах сидела Ядвига и уж беспечно плела венки и гадала,

отрывая лепестки: «Чи любит, чи нет?» Дорога шла горами. Как глаз бога иногда «сверкал над пустынными хребтами снежный утес, а иногда с высот виден был синий шар моря, какой-то небесный в своей синеве, и на нем косо скользил одинокий парус.

Мансур обращался ласково, много шутил и часто подходил поправить покрывало.

— Аллах велик,- говорил он Истоме,- хочет — я тебя купил, и я — твой господин, а захочет — и я тебе целуй-целуй руку.

В Испагани караван разделился, и больше Истома не видел Ядвиги.

С большими остановками, почти через год, Истома попал в Индию. Его проводник Кунби был сикхом; нужно ли удивляться, что однажды Истома обратился к учителю и сказал: «Я тоже сикх». Кунби радостно встретил новообращенного. Нужно ли удивляться, что однажды Истома и Кунби вместе бежали?

Кунби научил его спокойно выжидать в чаще тростников, когда мимо мчался, топча рощу, посланный вдогонку слои; спать на широких ветках, деревьев, где только что пробежала, кривляясь, обезьяна. И скоро, как два заклинателя змей, они начали скитальческую жизнь; сонная гремучая змея спала у них в выдолбленной тыкве, в соломенной корзине; белые ручные мыши, наученные прятаться, жили в грецком орехе.

Он научился понимать сложенный из сосновых игол муравейник, когда увидел жилые горы храмов и видел медные кумиры Будды много раз больше размеров человека. Раз он увидел в пещере, в лесу, нагого отшельника; борода падала к его ногам. Уже несколько лет старик держал в руках сухой хлеб, и теперь насквозь хлеба прошли длинные извилистые ногти. Старик не менял своего положения, руки его не умели двигаться, и ногти прорастали предметы, как корни растения, белые и кривые. Был страшен его вид. «Не весь ли народ индусов перед ним?» — думал Истома. И теневые боги трепетали около него темными крыльями ночных бабочек. Мудрец мечтает уйти из области людей и всюду вытравить свой след, чтобы ни люди, ни боги не сумели его найти.

Исчезнуть, исчезнуть. Подобно своим учителям, он должен

победить в себе гордое желание стать богом. И если кто-нибудь изумленный назовет его богом, мудрец сурово воскликнет: «Клевета!»
Беги обрядов, ведь ты не четвероног, у тебя нет копыт. Будь сам, самим собой, через самого себя, углубляйся в самого себя, озаряемый умным светом. На высоте, куда посмеет взлететь не каждый стриж, видел воздушные храмы, висевшие ласточкой над грозной пропастью. Синее море билось у подножия пропасти. Как глаз увенчивает собой тело, так же спокойно этот труд человека заканчивал дело природы, просто и строго подымаясь на недоступном утесе.
Видел храмы, множеством подземных пещер вырубленные в глубине каменной первобытной породы. Сумрак вечно царил тамгмостами однозвучно звенели ручьи. Пышно одетые кумиры, вытесанные из камня, толпою теснились вдоль стен и спокойной, равной ко всему, улыбкою встречали путника по подземному храму, покрытые ручьями влаги.
Видел темные толпы слонов, вырубленных из каменной породы, поднявших свои бивни, провожая богомольца по бесконечной лестнице, ведущей на вершину отвесного утеса.
Там и здесь на выступах зданий сидели белоснежные павлины, любимые людьми, но нелюдимые. Насельники запустевших храмов, стая диких обезьян, встречала их недовольным лаем тысячи оттенков и градом брошенных орехов.
Хоботы каменных слонов тянулись вдоль дороги. Храмы, стыдливо прячущиеся за кружевом своих стен, и храмы, несущие свою веру на вершину недоступного горного утеса, чуть ли не за облака, храмы, похожие в своем стремлении кверху на стройную женщину гор, несущую на плече кувшин воды, и храмы, стены которых сделаны синевой реки и белизной облаков, строгие лестницы в глубь неба и в глубь подземного мира,- все они напоминали, что …
В глубине лесных пещер пустынники, неподвижно протянувшие свои руки к небу, давшие обет не шевелиться. Пространство между ними было давно уже заткано паутиной паука. Мыши безбоязненно пробегали по их ногам, а птицы садились на седую взлохмаченную голову. Послушники кормили старцев. И рядом поклонники мрачной

богини Кали. Шелковой петлей в беззвучной глубине черных рощ, около толстых и гладких стволов, они ловили своих жертв и неслышным поворотом рычага ломали позвонки шеи в честь таинственной богини смерти.
И рядом веры, не знающие храмов, потому что лучшая книга — белые страницы — книга природы, среди облаков, а путь рождение — смерть лучшая молитва. Видел у ворот храма святого; он с отвращением, точно горькое лекарство, пил воду из кружки для милостыни, одетый в одежды, снятые с чумного покойника, трупов. Он говорил: «Нужно плакать, когда мы рождаемся, и смеяться, когда мы умираем». Он снова закутался в свой плащ, снятый с усопших. Около храмов видел бесноватых; с неслыханной силой они разрывали на себе веревки и пытались убежать в лес.
Каждое утро на заре Истома видел молящегося брамина; он стоял на одной ноге, приставив другую к лодыжке, и, повернутый па восток, широко открытыми руками, казалось, обнимал небо. Его черное тело застыло; руки расходились, точно ветки стройного дерева. Он шептал, беззвучно шевеля губами: «Тот Савитар варениам бхарго дхимахи дхно ио нах пракодайтат девазия» («Станем думать о солнечном боге, он взошел осветить наши разумы»).
В то же время крик проснувшегося павлина покрыл пожаром тихую молитву, и зелено-синие звезды на перьях птицы походили на темно-синие глаза неба сквозь древесную листву.
Зеленые сады над развалинами старых храмов, ветки и корни деревьев, впившиеся в белый камень лестницы, походили на учение браминов: все суета, все обман. Не так ли хорошенькую рассеянную головку пишет рука на старой книге в тяжелом переплете?
И то, что ты можешь увидать глазом, и то, что ты можешь услышать своим ухом,- все это мировой призрак, Майя, а мировую истину не дано на увидеть смертными глазами, ни услышать смертным слухом.
Она — мировая душа, Брахма.
Она плотно закрыла свое лицо покрывалом мечты, серебристой тканью обмана. И лишь покрывало истины, я не ее самое, дано видеть бедному разуму людей. Исканием истины казалась эта

страна Истоме, исканием и отчаянием, когда из души индуса вырвался стон: «Все — Майя!» Он хорошо помнил, как он шел в зеленой роще, и вдруг шум крыл нарушил тишину, и на белый столб покрытого зеленью храма взлетел павлин, и ветер белоснежных перьев, поток малых и больших глаз, небом звезд покрывавших серебряное тело, круто падая вниз вьюгой седых морозных звезд, холодных глаз, казались ему собранием глаз великих и малых богов эти страны.

Пять лет провел Истома в Индии. Он был на Яве и видел славные храмы и улыбающегося Будду из меди во столько раз большего человека, во сколько раз человек больше муравья, и темные громады каменных слонов под водопадом. Когда его сильно потянуло на родину, он вернулся вместе с одним караваном, посетил свой остров, но ничего не нашел, кроме сломанного весла, которым когда-то правил.

Грустно постояв над знакомыми волнами, Истома двинулся дальше. Куда?- он сам не знал.

1918-1919

Велимир ХЛЕБНИКОВ. Hekaýalar